

ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

Внимательное изучение Первого послания Курбскому позволяет установить одну интересную особенность памятника. В явном противоречии с его основной тональностью, с его бесчисленными яростными выпадами против бояр, в целом ряде мест царь решительно утверждает, что конфликты между ним и знатью — уже в прошлом, а в настоящее время между ним и его советниками, даже теми, кто в прошлом вел себя дурно, царят мир и согласие. («Но сия убо быша.

Ныне же убо всем, иже в вашем согласии бывшем, всякаго блага и свободы наслаждающимся и богатеющим, и никакая же им злоба первая поминается в первом своем достоянии и чести суще.) Эти явно вынужденные, произнесенные как бы сквозь зубы высказывания отражают ту ситуацию в отношениях между царем и боярами, которая сложилась к середине 1564 года.

Для того чтобы понять, что же тогда произошло, следует коснуться еще одной особенности политического положения России начала 60-х годов XVI века. С зимы 1564 года начались казни высокопоставленных лиц без суда и следствия, по простому приказу царя. По-видимому, сообщения об этих убийствах явились последним толчком, побудившим Курбского к бегству. В своем послании он обвинил царя в том, что тот «мученическими кровьями праги (пороги. — Б.Ф.) церковные обагрил». Что конкретно имелось в виду, явствует из написанной им десять лет спустя «Истории о великом князе Московском». Здесь Курбский рассказал о том, как в один день, 16 января 1564 года, по приказу царя во время службы в церкви были убиты бояре князь Михаил Петрович Репнин и князь Юрий Иванович Кашин.

О причинах казни Репнина в «Истории» читается следующий рассказ. Царь пригласил Репнина на пир, где, «упившись, начал и с скоморохами в машкарах (масках. — Б.Ф.) плясати и сущие пирующие с ним». Когда Репнин, плача, стал говорить, что христианскому царю не подобает так себя вести, царь потребовал: «Веселись и играй с нами», и попытался надеть на боярина маску. Боярин «отверже ю и потопта», и тогда царь, охваченный яростью, «отогна его от очей своих», а затем приказал убить.

Рассказ, вводящий в обстановку жизни царского двора накануне опричнины, требует некоторых пояснений. Иногда, вслед за Курбским и официальной летописью, говорят о необыкновенно строгом, благочестивом, чуждом всяких развлечений образе жизни царя в те годы, когда он находился под духовной опекой Сильвестра. Однако это явное преувеличение. Пирь со своим окружением составляли по традиции важную часть образа жизни государя; они способствовали укреплению отношений между правителем и его верными слугами, и духовные люди (а в их числе, конечно, и Сильвестр) не могли возражать против этой освященной обычаем традиции. Старец Адриан Ангелов в своей повести о взятии Казани без всякого осуждения, а напротив, с одобрением писал о том, как в военном лагере царь, «похваляя» отличившихся при осаде воевод, с ними «на многих пирах веселяшася». Совсем иначе относилась церковь к присутствию на пирах скоморохов, в которых видела слугителей бесовских сил. Уже в XI веке записан был рассказ о печерском монахе Исаакии, которому явились бесы, игравшие «в сопели, и в гусли, и в бубны». В том же столетии митрополит Иоанн, разрешая священникам посещать «мирские пиры», строго предписывал тотчас «встать из-за стола», как

только начнется «играние и плясанье и гуденье». И позднее отношение церкви к «играм» скоморохов было последовательно отрицательным. Благочестивый человек не мог иметь ничего общего со скоморохами и их играми. Автор «Казанской истории», близкий к царю по своим политическим взглядам, но мало осведомленный о жизни царского двора, восхваляя благочестие государя, подчеркивал, что тот «от юны версты не любляше ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц скрыпения... ни скомрах видимых бесов скакания и плясания». Появление скоморохов на царском пиру, действительно, могло огорчить благочестивого человека, а предложение принять участие в их играх — вызвать его возмущение.

Насколько можно отнестись с доверием к рассказу Курбского? Определенное подтверждение отыскивается в сочинениях самого Грозного. Отвергая обвинения князя, царь все же сквозь зубы признавал, что занимался «играми» — «сходя к немощи» своих подданных, «дабы нас, своих государей, познали, а не вас, изменников». Призвав ко двору скоморохов, некогда изгнанных Сильвестром, царь ясно давал понять, что более не намерен подчиняться каким-либо ограничениям и будет устраивать свою жизнь только так, как он сам считает нужным. Возможно, также сыграло свою роль пристрастие царя к пению и музыке, о чем речь пойдет впереди.

Однако если сам рассказ Курбского представляется вполне достоверным, то его утверждение о том, что именно произошедший инцидент послужил причиной казни боярина, вызывает сомнения. Ведь убитый одновременно с ним князь Юрий Иванович Кашин не имел к этому инциденту никакого отношения. В этой связи обращает на себя внимание, что оба боярина дважды вместе выступали поручителями по опальным — сначала по Ивану Дмитриевичу Бельскому, потом — по Александру Ивановичу Воротынскому. Таким образом, у царя были основания видеть в них главных предводителей недовольных в рядах Боярской думы. Инцидент на пиру мог послужить последним толчком для расправы.

Казнь двух бояр стала грубым нарушением всех традиционных норм отношений между царем и его советниками. Однако, судя по всему, убийства оказались тайными, и возложить прямую ответственность за них на царя было невозможно. Не случайно в своем ответе Курбскому царь отрицал всякую к ним причастность: «Кровию же никакою праги церковные не обагрям» (хотя имена обоих бояр вошли в так называемый «Синодик опальных» — список казненных царем людей, составленный в конце его правления).

Однако еще одно убийство, причастность к которому царя была более чем очевидной, привело к его конфликту со знатью.

Поводом для убийства послужила ссора двух царских приближенных, князя Дмитрия Ивановича Овчины-Оболенского и Федора Алексеевича Басманова. Это были молодые аристократы, успешно

начинавшие свою карьеру: в разряде Полоцкого похода 1563 года они упоминаются в числе молодых дворян, которые должны были «за государем ездить». Хотя служба Федора Басманова и началась с участия в Полоцком походе, уже в то время царь особо выделял его из своего окружения. Он был послан известить о взятии Полоцка тетку царя Евфросинию Старицкую (с аналогичным поручением к брату царя Юрию в Москву был послан сам царский шурин, князь Михаил Темрюкович). Федор был сыном боярина Алексея Даниловича Басманова, в то время одного из ближайших советников царя, но его возвышение объяснялось, очевидно, интимной связью с Иваном IV. Указания на эту связь встречаются в ряде записок иностранцев, а прямой намек на нее виден в выпаде Курбского против советников, губящих тело и душу государя, «иже детьми своими паче Кроновых жрецов действуют».

Рассказ о ссоре и последовавших за ней событиях сохранился в записке польского шляхтича Войтеха (Альбрехта) Шлихтинга, выходца из видной дворянской фамилии великопольской шляхты. Он попал в русский плен после взятия русскими войсками крепости Озерище в ноябре 1564 года. Несколько лет он бедствовал, пока в 1568 году его не «выпросил себе в качестве слуги и переводчика» царский врач Арнольд Лензей. В конце 1570 года Шлихтингу удалось бежать из России. В Польше при дворе Сигизмунда II им было составлено «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича», которое должно было дискредитировать царя в глазах христианской Европы.

В «Сказании» Шлихтинг писал о царе, что тот «злоупотреблял любовью этого Федора, а он обычно подводил всех под гнев тирана». Очевидно, одним из таких лиц и оказался Дмитрий Овчина. Рассердившись на Федора Басманова, «Овчина попрекнул его нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном». Басманов пожаловался царю, тот пришел в ярость и, пригласив Овчину на пир, послал его в погреб выпить вина за свое здоровье, а там царские псы задушили князя.

На этот раз причастность царя к убийству была совершенно очевидна. «Пораженные жестокостью этого поступка, — читаем далее у Шлихтинга, — некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и поступка».

Таким образом, действия царя столкнулись с протестом со стороны не только бояр, но и «верховного священнослужителя» — то есть митрополита.

Со второй половины 1563 года отношения царя с митрополичьей кафедрой серьезно осложнились. В «Пискаревском летописце» это ухудшение отношений отнесено к концу правления Макария. Однажды, повествует автор летописца, царь попросил у митрополита

«душеполезной книги», а тот послал ему «погребален», то есть чин погребения. В ответ на слова разгневанного царя, что «в наши царские чертоги такие книги не вносятца», митрополит сказал, будто не знает более «душеполезной» книги: «аше хто ея со вниманием почитает, и тот во веки не согрешит».

Это полуполюгендарное свидетельство получает некоторое подтверждение в «Сказании о последних днях жизни митрополита Макария». Здесь читаем, что 3 декабря 1563 года святитель заявил о своем желании оставить кафедру и «отъити на молчалное житие» в Пафнунтьев Боровский монастырь, где он некогда постригся в монахи. Настаивая на своем желании, он даже послал царю особое «писание». Царь с сыновьями посещал митрополита, упрашивая его «со слезами» остаться на престоле и «едва умоли его». Царь, очевидно, понимал, что уход Макария будет воспринят как публичное осуждение его политики, и стремился этого не допустить. Уговаривать Макария приезжала и царица Мария Темрюковна, которая, как видим, в отличие от Анастасии готова была активно поддерживать действия супруга. Лишь 21 декабря митрополит согласился на уговоры, и царь приказал «то писмо драению предати пред его очима».

31 декабря 1563 года Макарий умер. Царь приложил усилия к тому, чтобы митрополичью кафедру занял человек, на которого он мог бы всецело положиться.

24 февраля 1564 года собор епископов избрал митрополитом старца Чудова монастыря Афанасия, бывшего протопопы Благовещенского собора Андрея, который в течение многих лет был духовником царя. Остался он им и после того, как постригся в 1562 году в Чудове монастыре с именем Афанасия. Здесь, в Чудове монастыре, в 1562—1563 годах он явно по заказу царя работал над составлением «Степенной книги». Афанасий, несомненно, принадлежал к числу наиболее близких к царю представителей духовенства. Как и царь, он был приверженцем сильной единоличной власти правителя. Однако, разделяя с царем его политические идеалы, митрополит не мог одобрить те методы, с помощью которых царь хотел реализовать их на практике.

Не знаем, какие аргументы использовали бояре и митрополит в своих беседах с царем, но результат известен — царь должен был уступить их давлению: «подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии». Так сообщает Шлихтинг. Поскольку вслед за этим он рассказывает о событиях, происходивших в декабре 1564 года, очевидно, что столкновение произошло в конце весны — начале лета, то есть как раз тогда, когда царь писал свое послание Курбскому. Отсюда понятно появление на его страницах тех высказываний, которые приведены выше.

О том, как тревожно чувствовала себя в это время царская семья, выразительно свидетельствует рассказ об освящении собора Никит-

ского Переяславского монастыря, которое произошло 14 мая 1564 года. С этой обителью Ивана и членов его семьи связывали особые отношения. Когда после неожиданной смерти наследника царевича Дмитрия огорченная царская семья возвращалась в Москву из путешествия на Белоозеро, она остановилась в Никитском монастыре близ Переславля-Залесского. Здесь царица Анастасия «зачала», и рождение 28 марта 1554 года нового наследника — царевича Ивана было приписано чудесному покровительству патрона обители — преподобного Никиты Столпника. Когда через некоторое время маленький царевич заболел, он исцелился благодаря воде, освященной у мощей святого Никиты. Маленький монастырь, в котором жило всего семь монахов, был осыпан царскими милостями. Царь устроил здесь большую обитель, наделил ее землями, построил каменную ограду, трапезную и каменные храмы. На освящение главного из них, во имя «великомученика Христова Никиты», прибыли вся царская семья и митрополит Афанасий. После освящения храма царь поехал к гробнице своего покровителя святого Сергия «помощи просити... милости и устроения его царскому державству великия Росия». Мария же Темрюковна, оставшаяся на некоторое время в Никитском монастыре, просила монахов этой обители молиться «о устроении землем и мире всего православного христианства».

Небесные патроны должны были помочь царю в борьбе с непокорными подданными, желаниям которых он не был намерен уступать. Летом — осенью 1564 года царь, несомненно, обдумывал план переворота, который должен был привести к сосредоточению в его руках всей полноты власти в государстве. К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, как вырабатывался такой план и кто вместе с царем участвовал в его создании. Официальная летопись не освещала эту сторону событий, а иностранцы, оставившие свои свидетельства об опричнине, ничего об этом не знали. Лишь в «Пискаревском летописце» указывается, что царь устроил опричнину «по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же».

Свидетельство это, очевидно, основано на какой-то достоверной традиции. Действительно, Василий Михайлович Юрьев и Алексей Данилович Басманов в 1563 — 1564 годах принадлежали к числу ближайших советников царя. В конце 1563 года именно они вели очень важные переговоры с литовскими послами, выступая в той роли, в которой ранее выступал Алексей Адашев.

Василий Михайлович Юрьев, двоюродный брат царицы Анастасии, уже неоднократно упоминался на страницах этой книги как один из членов боярского клана Захарьиных, возвысившегося после первого брака Ивана IV. Уже в первой половине 50-х годов он зарекомендовал себя как администратор (дворецкий Тверского дворца), дипломат и воевода. Удаленный от дел во второй половине 50-х годов

XVI века, он вернулся в близкое окружение царя после ухода Сильвестра и Адашева. По записи 1561 года, в случае смерти царя он должен был входить в состав регентского совета при малолетнем наследнике.

Алексей Данилович Басманов принадлежал к старому московскому боярскому роду Плещеевых, из которого в XIV веке вышел один из патронов московской митрополичьей кафедры митрополит Алексей. Все, что о Басманове известно, позволяет говорить о нем как об одном из лучших военачальников своего времени. К рассказам о его военных успехах есть все основания отнестись с доверием, так как в большинстве своем они читаются в той части официальной летописи, которая составлялась во времена, когда летописное дело находилось в руках Адашева, а Басманов вовсе не принадлежал к ближайшему окружению царя. Впервые Басманов отличился при взятии Казани, где вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским командовал войсками на главном направлении штурма. Эти войска первыми поднялись на городские стены. Способности Басманова ярко проявились в неудачном для русской рати сражении с крымскими татарами при Судьбищах, когда крымский хан русское войско «потоптал и разгромил». Тогда не командующий армией боярин Иван Васильевич Шереметев, а один из воевод, Алексей Басманов, собрал бегущих с поля боя детей боярских и стрельцов. Они «осеклися в дубраве» и до вечера отбивали натиск орды, причем «из луков и из пищалей многих татар побили». Именно под командованием Басманова в начале Ливонской войны русские войска взяли штурмом Нарву. Еще раз военные способности Басманова проявились осенью 1564 года, когда крымский хан Девлет-Гирей со всей ордой вторгся в Рязанскую землю. Нападение татар застало местных воевод врасплох, в Рязани не оказалось войска и крепость не была подготовлена к обороне. Басманов, находившийся с сыном Федором в рязанском поместье, собрав соседей, напал на крымские «загоны», захватил языков и, узнав о намерениях хана идти к Рязани, поспешил в город. Город был спешно укреплен, население мобилизовано для обороны и нападения татар отбиты.

Если в 50-е годы XVI века Басманов, подобно Курбскому, был прежде всего военачальником, то с начала 60-х годов он перестал получать военные назначения. Царь поручал ему ведение важных дипломатических переговоров, в которых тот ранее никогда не участвовал. Очевидно, с этого времени царь стал ценить Басманова не столько как военного, сколько как политика.

Обоих советников царя объединяло то, что они принадлежали к старомосковским боярским родам и при существующей практике продвижения в рамках правящей элиты, которая регулировалась системой местнических счетов, не могли рассчитывать занять первые должности в государстве, предназначенные по традиции для представителей наиболее знатных княжеских родов — потомков Рюрика и Гедимины.

О событиях, предшествовавших установлению опричнины, со-

хранился подробный рассказ официальной летописи, а также свидетельство двух ливонских дворян на русской службе Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Печатник рижского архиепископа Таубе и дерптский фогт (судья) Крузе попали в плен к русским в первые годы Ливонской войны. Предложив царю свои услуги в деле привлечения ливонских дворян и горожан на сторону русской власти, они в 1564 году были освобождены и взяты на царскую службу. Позднее они были приняты в опричнину и получили имения. Царь настолько доверял этим ливонским дворянам, что в 1570 году, когда в Москве было принято решение о создании вассального ливонского королевства во главе с датским принцем Магнусом, приставил их к «ливонскому королю» для наблюдения за его действиями. Когда желаемых результатов добиться не удалось, Таубе и Крузе в 1571 году бежали в Литву. Здесь, предложив свои услуги Сигизмунду II, они написали послание литовскому наместнику Ливонии Яну Ходкевичу. Читавшийся в послании подробный рассказ о жестокостях Ивана IV также должен был дискредитировать царя в глазах христианской Европы.

Послание начиналось рассказом о введении опричнины. Сопоставление этого рассказа очевидцев с рассказом официальной летописи показывает, что в обоих источниках ход событий характеризуется по-разному. Согласно рассказу Таубе и Крузе, царь 6 декабря, на праздник святителя Николая, созвал «светские и духовные чины» и заявил, что «они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и хотят передать Русское государство чужеземному господству». Поэтому он, царь, отказывается от власти и отдает ее в их руки. Затем царь «сложил с себя в большой палате царскую корону, жезл и царское облачение».

Четырнадцать дней спустя в Успенском соборе царь «благословил всех первых лиц в государстве» и выехал из Москвы. Затем из Александровой слободы он написал в Москву «чинам», что «им... его изменникам, передает он свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его».

Совсем иначе выглядят события в изложении официальной летописи. Согласно ей, 3 декабря царь вместе с семьей выехал из Москвы в село Коломенское, где отпраздновал Николин день. Две недели царский поезд простоял в Коломенском «для непогоды и безпуты», а 17 декабря двинулся в Троице-Сергиеву обитель, откуда затем проследовал в Александрову слободу. «Подъем же его, — сообщалось в официальной летописи, — не таков якоже преже того ездывал по монастырем молитися». Так, царь забрал с собою всю свою казну, включая хранившуюся в ней «святость» — «иконы и кресты, златом и каменiem драгим украшенные». Все понимали, что происходит что-то важное, но не было понятно что, так как царь ничего не сообщал о целях своего путешествия: «все же о том в недоумении и унынии быша такому государскому великому необычному подъему». Положе-

ние определилось лишь 3 января 1565 года, когда гонец Константин Поливанов привез в Москву грамоты Грозного с сообщением, что он отказывается от царства и отправляется «вселиться, идеже его, государя, Бог наставит».

Все, что мы знаем об Иване IV, его взглядах и образе жизни, ясно говорит о том, что он не допускал даже мысли об отказе от власти, не представлял для себя иной жизни, чем жизнь богоизбранного царя единственного в мире православного царства. Отречение от власти было способом принудить правящую элиту к уступкам, способом, осуществление которого таило в себе определенную опасность. Власть в Москве находилась в руках Боярской думы, имелся и родственник царя, князь Владимир Андреевич, который хотя и находился под наблюдением приставленных к нему царем людей, не принял участия в царском путешествии и мог быть приглашен занять опустевший трон. Успех в этом случае во многом зависел от того, удастся ли захватить правящую элиту врасплох, не дать ей времени для принятия каких-либо опасных для царя решений.

С этой точки зрения поведение царя в рассказе Таубе и Крузе выглядит весьма странно. Согласно их версии, царь дал враждебным «чинам» более месяца на обдумывание ситуации, сложившейся после его отречения от царства, то есть сам способствовал росту угрожавшей ему опасности. Кроме того, непонятно, с какой целью он вторично извещал эти «чины» из Александровой слободы о своем отречении от царства, если им это уже и так было известно. Некоторые детали рассказа Таубе и Крузе также противоречат их собственной версии событий. Так, их сообщение, что при прощании, уезжая из Москвы, царь «благословил всех первых лиц в государстве», находится в явном противоречии с их же утверждением, что за две недели до этого царь публично обвинил всех этих людей в измене. В рассказе Таубе и Крузе сообщается, что царь, не доезжая до Слободы, отправил в Москву «многих подьячих и воевод, раздетых до нага и пешком». Этот факт не вписывается в канву рассказа Таубе и Крузе, но получает хорошее объяснение в рамках версии официальной летописи: очевидно, что о своих намерениях царь объявил своей свите лишь когда они подъезжали к Слободу и отослал всех, кто в создавшейся ситуации обнаружил какие-то колебания.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что именно рассказ официальной летописи отражает действительное положение вещей. Хотя «подъем» царя в декабре 1564 года обратил на себя внимание своей необычностью и вызвал разные толки и беспокойство, намерения царя оставались для всех неясными, пока из Слободы в Москву не были привезены царские грамоты. Грамот было несколько. Одна из них адресовалась митрополиту Афанасию; к ней был приложен список, «а в нем писаны измены боярские и воеводские и всех приказных людей». Документы эти не сохранились, известен лишь их крат-

кий пересказ в тексте официальной летописи. Царь объявлял, что он «гнев свой положил» на митрополита, епископов, настоятелей монастырей и «опалу» на бояр, окольных, дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей.

Царь обвинял бояр и приказных людей в том, что в годы его малолетства они расхищали государственную казну и раздавали себе и своим родственникам «государские земли». «Собрав себе великие богатства», они «о всем православном христианстве не хотя радети и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянства обороняти», «сами от службы учали удалятися и за православных крестьян стояти не похотели».

Царь же не может навести порядок в государстве: захочет он кого-либо из бояр, детей боярских или приказных людей «в их винах понаказати», а высшее духовенство, бояре, дворяне и приказные люди начинают их «покрывати». Видя, что при таком положении он не может ничего сделать, царь «от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал где вселитися, идеже его, государя, Бог наставит». В оригинале грамота представляла собой, вероятно, весьма обширный текст, едва ли уступавший по размерам посланию царя Курбскому, но текст этот не сохранился. Однако нет оснований сомневаться, что в летописи, составленной по приказу самого царя, основное содержание грамоты было передано правильно. Как видно из летописного рассказа, обвинения царя адресовались не только членам Боярской думы, но и всему правящему слою (дьякам, детям боярским «государева двора»), так как все они, как мы видели выше, поддерживая ходатайства бояр, участвовали в составлении поручных записей. Обвинения в злоупотреблениях, совершенных в годы «боярского правления», были обоснованными, но к 1564 году имели уже чисто историческое значение. Сам царь и его современники знали, что реформы 50-х годов положили конец многим из этих злоупотреблений, а в 50-е годы никто не расхищал государственную казну и не раздавал незаконно «государские земли». Эти обвинения должны были напомнить обществу, что ждет страну, если в ней снова не окажется государя.

Неудачи в войне, которую Россия вела одновременно с Литвой и Крымом в 1563—1564 годах, действительно, имели место, однако их значение царь, несомненно, преувеличивал. Эти неудачи были следствием не столько «нерадения» воевод, сколько ошибок царской дипломатии. Так как речь шла о войне православного царства с мусульманской страной и государством, в котором у власти находились еретики — протестанты, то, возлагая ответственность за дурное ведение войны на нерадивых бояр, царь получал возможность обвинять их в измене не только своему государю, но и всему православному христианству.

Центр тяжести послания состоял в утверждении, что царь вы-

нужен оставить престол, так как правящая верхушка не дает ему наказывать изменников. Зная все происходившее в предшествующие годы, можно с уверенностью утверждать, что царя не устраивало традиционное право членов Боярской думы и высших церковных иерархов «печаловаться» за вельмож, совершивших те или иные проступки, с которым в предшествующие годы ему приходилось считаться. Царь ставил перед обществом дилемму: или он получит право наказывать изменников по своему усмотрению, или государство будет не в состоянии успешно вести борьбу с внешними врагами по вине светской и церковной знати. Тем самым правящая элита оказывалась в таком положении, что ей ничего не оставалось, как согласиться с требованиями царя.

Иван предпринял и ряд других шагов, которые должны были обеспечить достижение его цели. Согласно официальной летописи, вместе с царем отправились в путешествие бояре, ближние дворяне и приказные люди, которым царь «повеле с собою ехать з женами и з детми». Кроме того, царя сопровождали выбранные «дворяне и дети боярские изо всех городов» «с людми и с конми и со всем служебным нарядом». Таким образом, в распоряжении царя имелось отборное дворянское войско, полностью готовое к ведению войны (дети боярские были полностью вооружены и их сопровождали их военные слуги). Как уже отмечалось выше, часть этих людей не была посвящена в намерения царя и, не доезжая до Слободы, была отправлена обратно в Москву. Однако с царем, несомненно, осталось достаточно много детей боярских, чтобы вести боевые действия, и достаточно воевод, чтобы ими командовать. Таким образом, накануне своего нового столкновения со знатью царь сумел обеспечить себе поддержку ряда бояр и дьяков, а также большого количества членов «государева двора» (в источниках второй половины XVI века именно их называли «выбором из городов»). Именно наличие такой поддержки позволило царю занять самостоятельную позицию и ставить знати свои условия. Как, с помощью каких доводов и обещаний царь сумел заручиться такой поддержкой? Ответ на этот вопрос автор попытается дать в следующей главе, характеризуя особенности нового режима, сложившегося в России после введения опричнины.

Другой важный шаг, предпринятый царем, касался московского посада. Вместе с грамотой митрополиту Афанасию царский гонец привез и грамоту, адресованную московским горожанам, «чтобы они себе никоторого сумления не держали, гневу и опалы на них никоторые нет». Судя по реакции горожан на этот документ, в нем, по-видимому, также подробно перечислялись измены бояр и приказных людей, которые заставили царя покинуть престол. Царь, очевидно, хотел таким образом подстрекнуть московский посад к выступлениям против изменников. Ход оказался верным. Перспектива ухода государя и наступления «безгосударного времени», когда вельможи мо-

гут снова заставить городских торговцев и ремесленников все делать для них даром, не могла не взволновать московских горожан. Поэтому они не замедлили потребовать от митрополита и собора духовенства, «чтобы били челом государю и великому князю, чтобы над ними милость показал, государства не оставлял, их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял, а хто будет государских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят (уничтожат. — Б.Ф.)». Это означало, что в конфликте царя со знатью население столицы решительно встало на сторону царя.

К сказанному следует добавить, что, объявив о своем уходе с престола, царь одновременно наложил на всех бояр и приказных людей опалу, то есть отстранил их от исполнения их обязанностей, и вся деятельность государства оказалась парализованной («все приказные люди приказы государские оставиша»). Фактически царь поставил правящей элите ультиматум. Она должна была отказаться от традиционных обычаев, ограничивавших свободу действий государя, или ей угрожала война со своим законным правителем, и в этой войне к услугам царя было вооруженное дворянское войско и поддержка населения Москвы.

Рассказ официальной летописи рисует картину всеобщего отчаяния, которое охватило всех бояр, детей боярских и приказных людей перед перспективой остаться без государя («ныне х кому прибегнем и кто нас помилует и кто нас избавит от нахождения иноплеменных»). Можно сомневаться в том, насколько этот рассказ передает реальную картину действительно происходившего в Москве. Однако не вызывает никаких сомнений, что вечером того же самого дня, когда в Москве были получены царские грамоты, в Слободу отправились наиболее близкие к царю лица из среды высшего духовенства — архиепископ Новгородский Пимен и архимандрит Чудова монастыря Левкий с ответом на царское послание. Высшее духовенство и Боярская дума обращались к царю с челобитьем, чтобы «гнев бы свой и опалу с них сложил и на государстве бы был и своими бы государствам владел и правил, как ему, государю, годно; и хто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля». Вслед за этим прямо с митрополичьего двора, где было принято это решение, «не ездя в дома свои», отправились в Слободу хлопотать о снятии опалы епископы, бояре, дворяне, приказные люди. Это была полная капитуляция.

В чем же были причины столь быстрой победы? Разумеется, следует учитывать, что действия царя оказались для правящей элиты полной неожиданностью. Решившись выступить против своего государя, она оказалась бы в весьма неблагоприятных условиях, особенно учитывая явную враждебность населения Москвы. Детей боярских невозможно было поднять на войну для защиты прав узкого круга советников государя и высших иерархов, а ведь только об этих

правах шла речь в царском послании. К этому стоит добавить, что в отличие от ряда стран средневековой Европы эти права нигде не были письменно зафиксированы, государь не приносил присяги их соблюдать, и, соответственно, не существовало «права на сопротивление» в случае их нарушения. Правящая элита не была и психологически готова к войне с «природным», наследственным государем, который к тому же недавно венчался царским венцом и покорил мусульманские царства.

Сложная международная ситуация, в которой оказалась Россия в середине 60-х годов XVI века, также действовала в пользу царя. Политические оппоненты Ивана IV разделяли представления о нем как главном защитнике и опоре православия. В «Послании» Таубе и Крузе приводится изложение речи, с которой послы митрополита (у Таубе и Крузе ошибочно говорится о самом митрополите, который на самом деле оставался в Москве) обратились к царю, убеждая его вернуться на трон. Называя царя «избранным властелином истинной апостольской веры», они просили его подумать о судьбе этой веры, «которая благодаря его отречению и передаче власти и благодаря семенам еретиков будет загрязнена и даже в худшем случае уничтожена». Такие слова и выражения вряд ли могли самостоятельно появиться под пером ливонских дворян — протестантов, а, скорее всего, были заимствованы ими из какого-то русского источника. Поднять восстание против единственного в мире православного царя в условиях, когда он ведет борьбу с врагами православной веры, было психологически невозможно. Царь, показавший себя во время политического кризиса, вызванного его собственными действиями, ловким и одновременно жестким политиком, несомненно, учел все эти обстоятельства.

5 января послы прибыли в Слободу, превратившуюся к тому времени в большой военный лагерь, и были приведены к царю под стражей («за пристава»). В конце концов царь допустил к себе («очи свои видеть велел») сначала духовных иерархов и настоятелей, а затем, по их «челобитью», бояр и приказных людей и милостиво согласился вернуться на престол. «А как нам свои государства взяти и государствы своими владети, о том о всем прикажем к отцу своему и богомолцу к Офонасию митрополиту всеа Руси» — такими словами заканчивался ответ царя на просьбы приехавших в Слободу «чинов». Эти условия были сформулированы в особом царском указе, присланном в Москву вместе с возвращавшимися епископами и боярами. Краткое изложение указа сохранилось в официальной летописи. Судя по сообщению Таубе и Крузе, указ имел обширную преамбулу, где перечислялись измены подданных своим государям со времен Владимира Мономаха, а затем излагались те условия, на которых царь соглашался вернуться на трон. Первым пунктом указа, как и следовало ожидать, утверждалось право царя карать изменников и вообще тех, кто в чем-либо оказались государю «непослушны»: «на

тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (то есть движимое и недвижимое имущество. — *Б.Ф.*) имати». Однако если бояре, основываясь на тексте царского послания из Слободы, полагали, что этим все и ограничится, то они жестоко ошиблись. В указе царь заявил о своем желании «учинити ему на своем государстве себе опричнину», а это означало изменение всего традиционного политического устройства Русского государства.